

№ 7

Въ сегодн. № 6 стр.

Вторникъ 10-го января 19

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ность, я не могу, такъ какъ нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ, ни среднихъ нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дана намъ во время оно Иисуса Христа и которая теперь мнѣ, вамъ и Баранцевичу мѣшаетъ красть, оскорблять, лгать и проч. Я же во всю мою жизнь, если вѣрить покою своей совѣсти, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помысломъ, ни въ разсказахъ, ни въ водевилахъ не пожелалъ жены ближняго моего, ни раба его, ни вола его, ни всякаго скота его, не вралъ, не лицемерилъ, не лсталилъ сильными и не искалъ у нихъ, не шантажировалъ и не жилъ на содержаніи. Правда, въ дѣлности житіе мое издихло, безъ ума смѣхся, объѣдался, опивался, блудилъ, но вѣдь все это личное и все это не лишаетъ меня права думать, что во части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выдѣляюсь изъ ряда обыкновеннаго. Ни подвиговъ, ни подлостей — такой же я, какъ большинство: грѣховъ много, но съ нравственностью мы квиты такъ какъ за эти грѣхи я съ лихвой плачу тѣми неудобствами, какія они влекутъ за собой. Если же вы хотите жестоко поругаться со мной за то, что я не герой, то бросьте вашу жестокость за окно, а ругань смѣните на вашъ милый трагическій смѣхъ, — это лучше.

А слова „художественности“ я боюсь, какъ купчихи боятся жупела. Когда мнѣ говорятъ о художественномъ и антихудожественномъ, о томъ, что сценично или не сценично, о тенденціи, реализмѣ и т. п., я теряюсь, верѣшительно поддакиваю и отвѣчаю банальными полунамеками, которые не стоятъ и гроша мѣднаго. Всѣ произведенія я дѣлю на два сорта: тѣ, которые мнѣ нравятся, и тѣ, которые мнѣ не нравятся. Другого критеріума у меня нѣтъ, а если вы спросите, почему мнѣ нравится Шекспиръ и не нравится Златовратскій, то и не сумѣю отвѣтить. Быть можетъ, со временемъ, когда поумнѣю, я приобрету критерій, но пока всѣ разговоры о „художественности“ меня только утомляютъ и кажутся мнѣ продолженіемъ все тѣхъ же схоластическихъ бесѣдъ, которыми люди утомляли себя въ средніе вѣка.

Если критика, на авторитетъ которой вы ссылаетесь, знаетъ то, что мы съ вами не знаемъ, то почему она до сихъ поръ молчитъ, отчего не открываетъ намъ истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, повѣрьте, давно бы уже указала намъ путь, и мы знали бы, что намъ дѣлать, и Фофановъ не сидѣлъ бы въ сумасшедшемъ домѣ, Гаршинъ былъ бы жалъ до сихъ поръ, Баранцевичъ не хандрилъ бы, и намъ бы не было такъ скучно и пудно, какъ теперь, и васъ не тянуло бы въ театръ, а меня на Сахалинъ“...

А. П. Чеховъ о нравственности и художественности.

Среди писемъ Чехова къ Щеглову есть нѣсколько еще не бывшихъ въ печати. Письма эти будутъ напечатаны въ нѣмомъ номерѣ „Солнца Россіи“. Одно изъ нихъ, напечатанное въ „Утрѣ Россіи“, касается вопросовъ нравственности и художественности, о которыхъ А. П. Чеховъ говоритъ съ пренебреженіемъ ему юморомъ, но въ то же время серьезно.

„Вы пишете, что вамъ хочется же поругаться со мной, въ особенности по вопросамъ нравственности и художественности“, говорите неясно о какихъ-то моихъ преступленіяхъ, заслуживавшихъ дружескаго упрека, и грозите даже „влиятельной газетной критикой“. Если зачеркнуть слово „художественности“, то вся фраза, поставленная въ кавычки, становится ясной, но приобретаетъ значеніе, которое, по правдѣ говоря, меня немало смущаетъ. Жалъ, что такое? Какъ понимать? Неужели въ понятіяхъ о нравственности я расхожусь съ такими людьми, какъ вы, и даже настолько, что заслуживаю упрека и особаго ко мнѣ вниманія влиятельной критики? Понять, что вы пишете въ виду какую-либо мудреную, высокую нравствен-